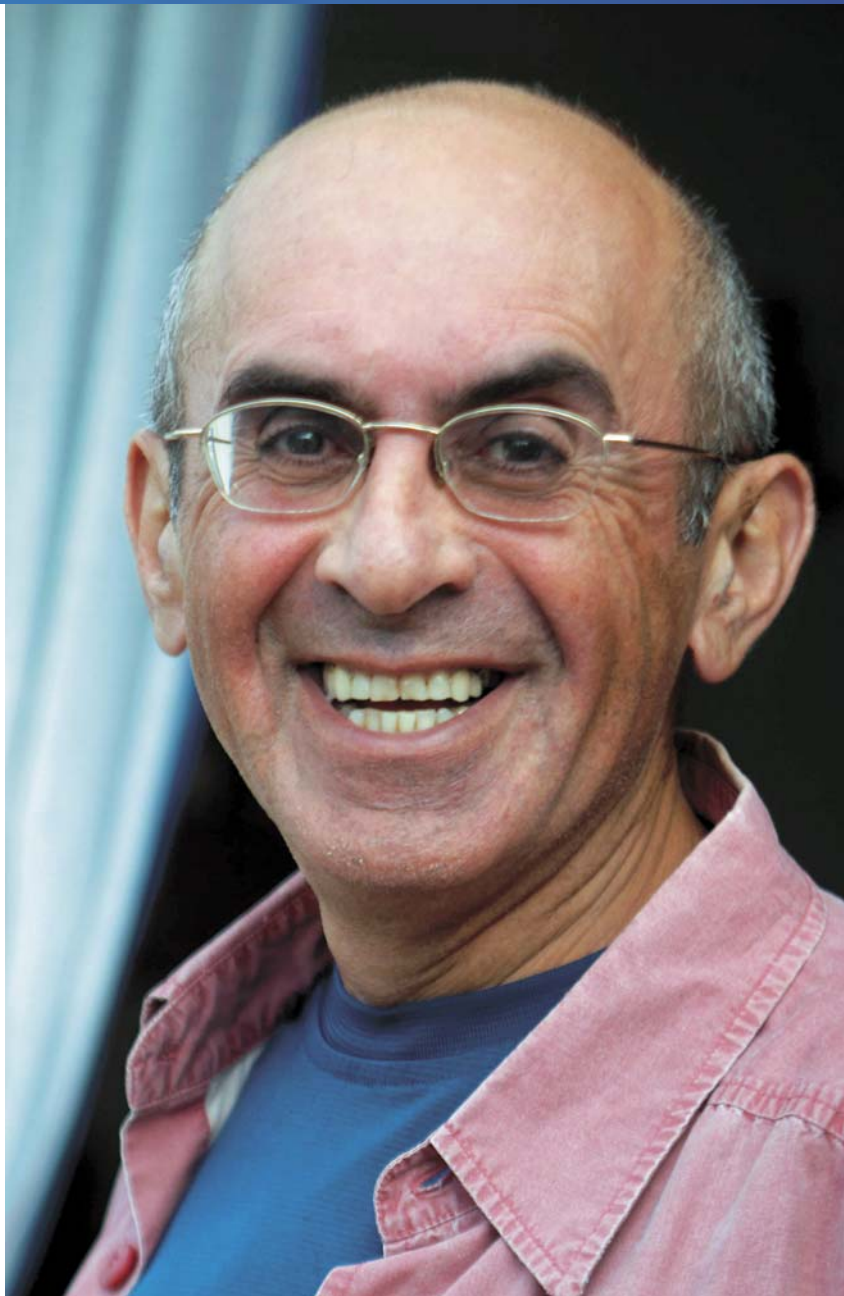
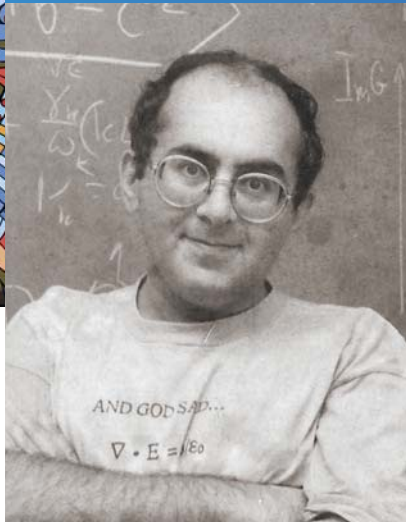
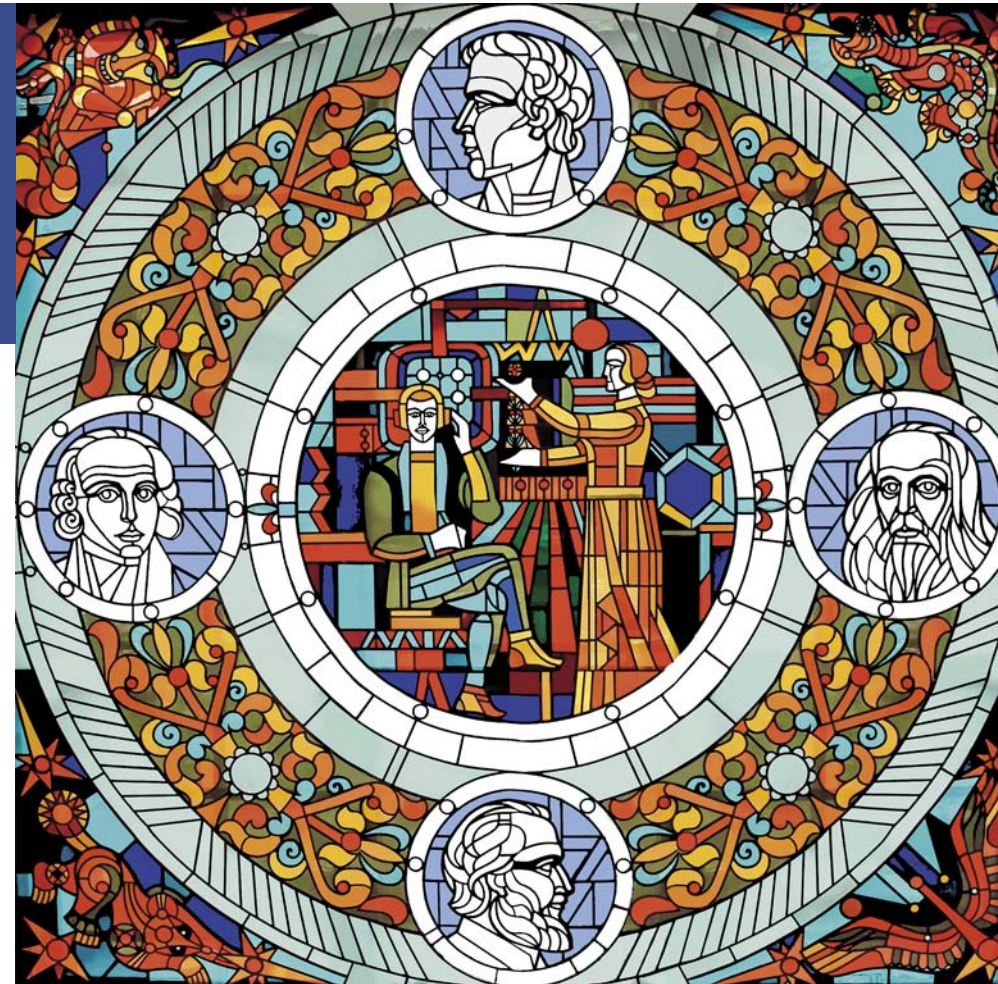

РАЗУМНЫЙ КОМПРОМИСС

ГРИГОРИЙ ФАЛЬКОВИЧ,
ВЫПУСКНИК ФИЗИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА НГУ, 1981 г.
МЕСТО РАБОТЫ:
ИНСТИТУТ ВЕЙЦМАНА, ИЗРАИЛЬ.
СФЕРА НАУЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ:
ФИЗИКА, МЕТЕОРОЛОГИЯ, ИСТОРИЯ НАУКИ

В Новосибирск я приехал из Чернигова, небольшого города на севере Украины. Сначала хотел поступать в МФТИ, откуда получил приглашение, но мой троюродный брат, что там учился, объяснил, что евреев берут мало, только выдающихся. Я тогда себя выдающим евреем не считал, поэтому на Всесоюзной олимпиаде по физике стал расспрашивать, куда принимают «простых евреев». Ребята из Новосибирской ФМШ и из Красноярска все с великолепным апломбом уверили меня, что никакой дискриминации по национальному признаку в НГУ нет. Я им и поверил. Хорошей школой характера было наблюдение за тем, как заваливают евреев на устном экзамене по физике в 1975 г. Преподаватель, заваливавший меня и знакомых, даже не очень старался,

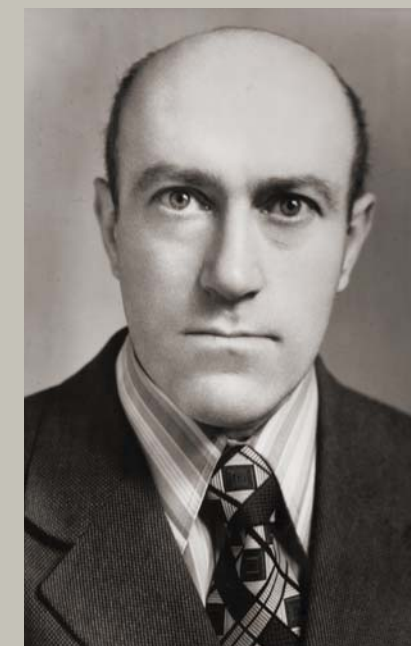
просто зачеркивал правильное решение и писал сверху другой ответ, обычно неправильный. Потом на собеседовании Виталий Ткаченко (который тогда был, кажется, секретарем комитета комсомола) поглядел на эти бумажки с экзамена, приобнял меня за плечо и сказал: «Не переживайте, молодой человек, мы вас примем». Навсегда ему благодарен. Я оказался единственным евреем, что поступил в том году на физфак, так что пришлось считать себя выдающимся, что впоследствии помогло не раз.

Учеба и жизнь в университете превзошли мои мечтания. Там я выучился физике и приобрел друзей на всю жизнь. Единственное, чего, на мой взгляд, не хватало – профессионального обучения физиков-теоретиков специальной науке «теоретике», которую я и по сей день добираю повсюду, в основном у соавторов из Института Ландау. Еще запомнилось детское разочарование, что университет оказался больше, чем я думал, когда нас привели на вступительный экзамен во второй корпус (перехода тогда не было). На мой вкус, элитный университет мог быть и поменьше.

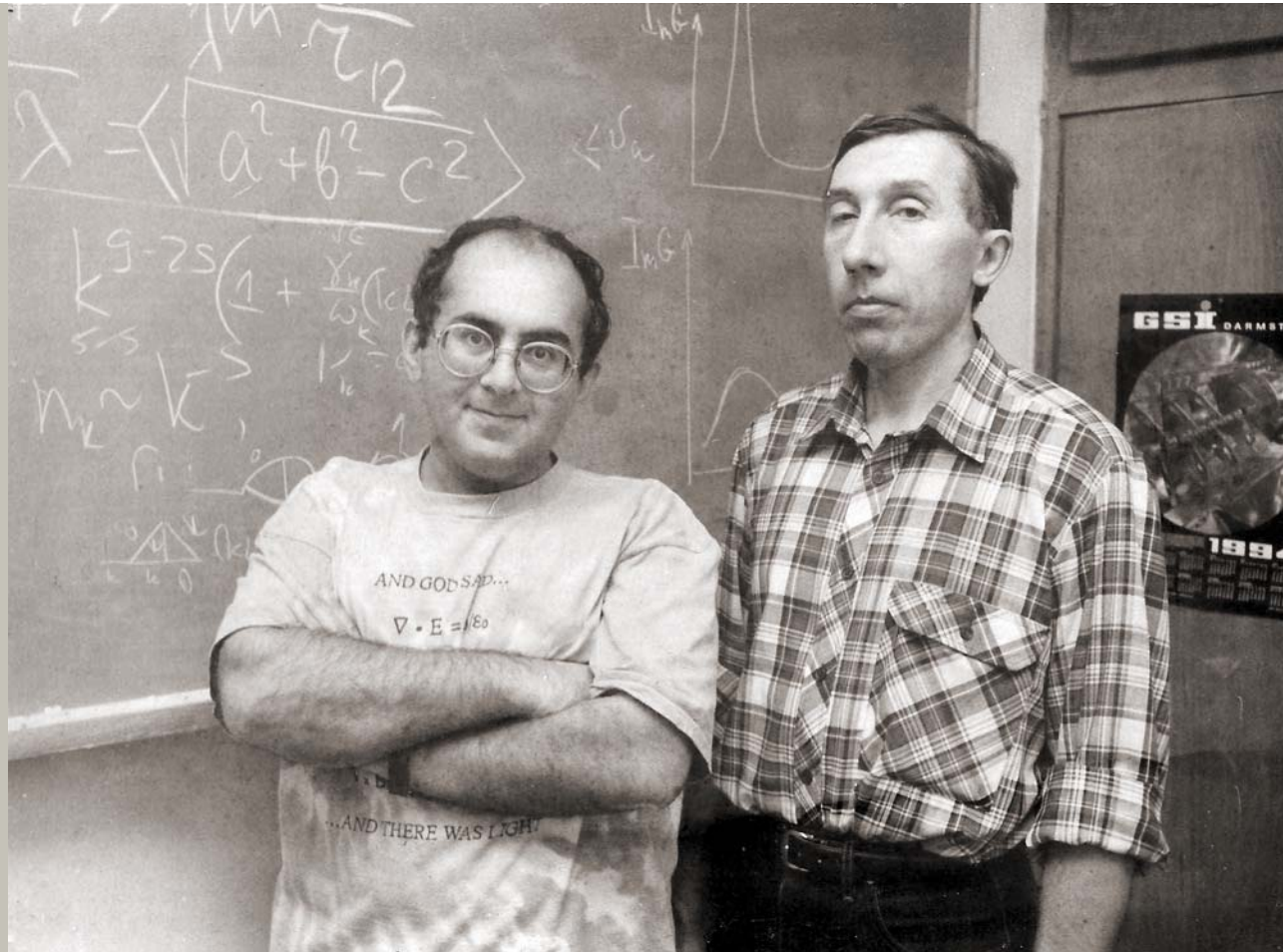
Почти все мои преподаватели были незаурядными людьми и сильно повлияли на впечатлительного юношу. Я написал об этом в книге к 40-летию НГУ, здесь добавлю лишь несколько слов. На первом курсе Чириков поразил тем, как можно кратко и внятно описать явление любой сложности. После этого же искусству простых объяснений и оценок, я учился у Баркова, Золотарева, Луговцова и Рютова. Насколько обманчива эта простота,

Профессор Л. М. Барков

Профессор Г. Л. Коткин
Фото с Доски почета 1980 г.

и какая за ней скрыта глубина, понимаешь только, когда сам пытаешься добиться этого. Коткин и Сербо научили меня, как надо учиться и учить. Фадин – не прятаться за словеса, когда нет ясного понимания. Раутиан показал пример ученого из совсем другой эпохи, и вдруг стало ясно, что эпоху можно себе и выбрать.

Если вспоминать жизнь студенческую, трудно выбросить из памяти, как меня, по наущению моих одногруппников, выгнали из университета за прогулы занятий по военной подготовке, и как многие люди (Барков, Раутиан, Львов, Кузнецов) помогли не пропасть. Вспоминается капустник 1978 г., за который мы с Володей Драчевым были ответственными, девушки.

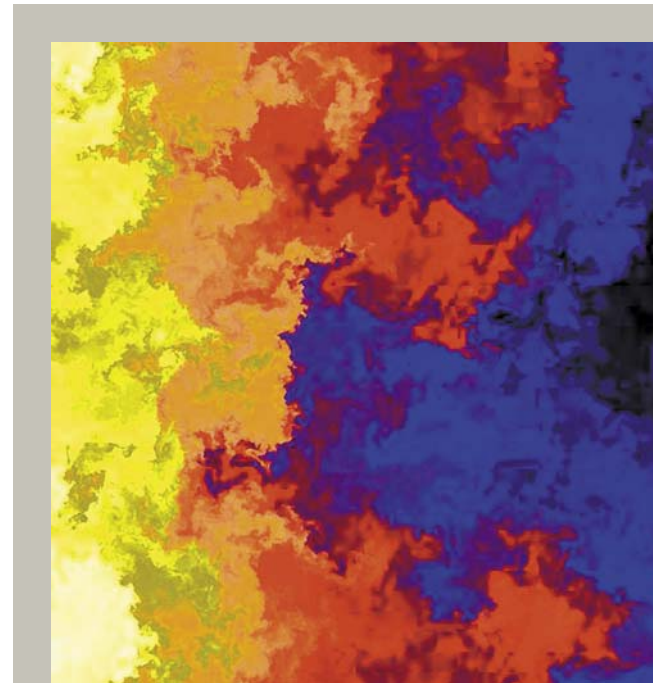
По окончании университета я работал в Институте автоматки, где мне было очень хорошо. А появился я там уже на третьем курсе. Удачей, ничем не заслуженной и ничем не объяснимой (кроме перманентного кризиса помещений), было сидеть несколько лет в одной комнате с тремя докторами и одним кандидатом наук (Кузнецов, Мушер, Рубенчик и Стурман, считая от окна). Большую часть времени тишина нарушалась лишь

Г. Фалькович и В. Лебедев 20 лет назад, во время работы над теорией турбулентности

скрипением перьев, но иногда кто-то поднимал голову и задавал вопрос, вызывавший короткую продуктивную дискуссию. Там я понял, как работают разные теоретики и как превращать смутное бормотание в формулы.

Идея уехать за рубеж родилась из интереса – а как там? И оказалось интересно. Я уехал в 32 года, через 7 лет после защиты кандидатской. Вместо того чтобы писать докторскую и обретать важность, я попал мальчишкой в новый мир, где многому надо было учиться заново. Не потеряв своего первого русского учителя, Владимира Захарова, я приобрел второго американского – Роберта Крейчнана (он был в свое время ассистентом Эйнштейна). С Крейчнаном и связана та наша работа, о которой рассказывается в статье.

Я попал в молодую и маленькую страну, где меня сразу приняли за своего, где жизнь постоянно улучшается, и можно распознать свой небольшой вклад в это дело. Как сказал лет 20 назад у меня в гостях Владимир

Картина турбулентного перемешивания, теорию которого удалось построить трем выпускникам НГУ Г. Фальковичу, М. Черткову, И Колоколову и примкнувшему к ним В. Лебедеву

Захаров: «Израильская жизнь – разумный компромисс между Россией и Америкой». С той поры, конечно, все три страны изменились, но я живу регулярно во всех трех, так что привык.

Наука бывает мировой или никакой. Главная беда науки в России та же, что была и в Советском Союзе – малая подвижность молодых людей, что приводит в конце концов к провинциальности даже талантливых людей. Мне в моем возрасте и с моими соавторами на четырех континентах все равно, где работать. Но в молодости очень важно уехать туда, откуда твой научный руководитель будет казаться маленьким. Это я советую и своим ученикам.

Вернуться? В известной степени я уже вернулся. Появление

«гостевых» грантов – начало процесса, в результате которого вот уже пятый год я провожу от месяца до двух в России. У меня здесь есть не только старые, но и молодые соавторы, я прочитал два курса в МФТИ, являюсь сотрудником московского института и т.д. Надеюсь, и в родном НГУ когда-нибудь прочитать курс.

О ТОП-100 мировых университетов. По сути, все эти рейтинги имеют еще меньше смысла, чем попытка характеризовать научные работы или ученых по индексу цитирования. Наука аристократична, а не демократична, мнение меньшинства, как правило, важнее мнения большинства. Однако разработанная программа по повышению рейтинга выглядит вполне разумной и полезной. В частности, мне кажется важным создать механизм, по которому после защиты кандидатской человек сможет уехать на пару лет (не обязательно за границу) и потом вернуться. Я член Международного Совета НГУ и в этом качестве буду прилагать все силы для его развития.

